

18+

Дълъг
с клядошката
Пер Ламез

ОЛЬГА ДЕ БЕНУА

Ольга де Бенуа

Дьявол с кладбища Пер Лашез

«Издательские решения»

де Бенуа О.

Дьявол с кладбища Пер Лашез / О. де Бенуа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536558-3

В ночь перед Рождеством на кладбище Пер Лашез начинается карнавал. Со всех концов земли сюда слетаются проклятые короли и королевы, великие грешники, духи и тени. Оскар Уайльд, Эдит Пиаф, Джим Моррисон, Мольер, Философ и Косматая Ведьма — столько гениев заперто на этом кладбище. Все они — вечные гости Безумного Рыбника. Сможет ли один из них, Дьявол с чудовищной мордой и нежной душой, спастись и завоевать сердце Прекрасной Девы?

ISBN 978-5-00-536558-3

© де Бенуа О.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Об иллюстраторе	8
Предисловие	10
Дьявол с кладбища Пер-Лашез	15
0 – Начало начал	16
I – Свечение	17
II – Косматая Ведьма	18
III – Маленький Дьявол	22
IV – Звездопад	23
V – Великий Карнавал	24
VI – Магическая формула	26
VII – Весь огромный мир	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дьявол с кладбища Пер Лашез

Ольга де Бенуа

Иллюстратор Натали Хо

Редактор Людмила Шилина

© Ольга де Бенуа, 2021

© Натали Хо, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-6558-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это книга-мистерия, книга-притча, алхимическая сказка об универсальных энергиях этого мира. В ней вы найдете вечные сюжеты о любви.

Повесть была закончена Ольгой де Бенуа в марте 2020 года, в самом начале кризиса и хаоса, в который погрузился наш мир. Можно сказать, что эта книга предсказала грядущие события. При работе над «Дьяволом...» писатель прошла путь серьезной внутренней трансформации. Возможно, этот текст позволит преобразиться и вам, приблизиться к своему «истинному я».

В космическом размахе повествования, в аллегориях и поэтическом языке можно узнать и «Божественную комедию» Данте Алигьери, и «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова, «Вечера на Хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Фантастических зверей и места их обитания» Джоан Роулинг. Возможно, некоторые читатели найдут здесь сходство с мистериями Харуки Мураками, Хаяо Миядзаки и Тима Бёртона. Однако, как и в любом произведении искусства, в котором есть самобытность и жажда истины и красоты, эта книга, опираясь на культурное наследие человечества, остается самостоятельным произведением, путешествием в подсознание человека и в память души.

Предисловие к книге написала петербургская поэтесса Елена Рид, а иллюстрации выполнила парижская художница Натали Хо. В конце книги прилагаются иллюстрации и фрагменты рукописи Ольги де Бенуа.

Автор хотела бы выразить здесь огромную любовь и признательность своим друзьям – писателю и редактору Людмиле Шилиной и художнице Натали Хо, которые стали первыми читателями этой книги.

Об авторе

Ольга де Бенуа – франко-русский писатель, поэт, общественный деятель, председатель парижского литклуба «Белый Феникс». Родилась 29 мая 1985 года в Сибири, детство и юность провела в Средней Азии, в Ташкенте. С 2008 года живет в Париже. Окончила НГУ, Сорбонну и Манчестерский университет. Публиковались в журналах и альманахах «Знание – сила», «Точка зрения», «Трамвай», «Ликбез» и «Из Парижска». Пишет в жанре *магического реализма*.

Автор книг «*Время дождя*» (2017), «*Никоткуда с любовью*» (2020), «*Дьявол с кладбища Пер Лашез*» (2021), создатель арт-проекта «Города и люди» и передачи #MontmartreTV. Соавтор книги «*Сказки Белого Феникса*» (2019).

В 2019 году ее книга «*Время дождя*» вышла в Бразилии на португальском языке (O Choro da Chuva, Pergunta Fixar), а также в аудиоверсии в шведском издательстве Word Audio Publishing.

Сайт автора: www.olgadebenoist.com, страница в Instagram @[olgadebenoist](https://www.instagram.com/olgadebenoist).

Об иллюстраторе

Иллюстратор парижского литературного клуба «Белый Феникс», **Натали Хо** родилась в Казахстане, в солнечном-яблочном городе Алма-Ата.

Получив образование на режиссерском факультете Казахской национальной академии искусств, она работала в кино и рекламном бизнесе в качестве производственного менеджера. Переехав во Францию, Натали сменила свой род деятельности, попробовав себя во множестве профессий, никогда не переставая при этом рисовать.

С ранних лет, впитав в себя колорит среднеазиатской культуры, художница часто использует в своих работах тюркские и восточные национальные мотивы, переплетая их с европейскими художественными элементами. Любимые художники, повлиявшие на ее художественный вкус, – Маркл Шагал, Яцек Ерка, Ребекка Дотремер и Юрий Побережный.

Натали – участница персональных и коллективных выставок во Франции, проходивших и на презентациях литературного клуба «Белый Феникс». В 2020 году она стала лауреатом международного конкурса им. Де Ришелье в номинации «Живопись», получив награду «Алмазный Дюк».

Страница художницы в Instagram **@nathalie_kho**.

Предисловие «Свет во тьме светит...»

Принимаясь писать эту рецензию, я не знала, с чего начать. Как подобраться к сказке? Как ухватить за хвост Жар-Птицу? Как пробежать под радугой? Только мечтателям это под силу. Но люди, которые возомнили о своём разуме невесть что, и при этом потеряли разум; оказались в плену страстей, но не осмеливаются любить – таким точно не вынуть меч из камня. Не таковы ли мы в большинстве своем? Признаюсь, у меня не хватит духу отрицать. К счастью, мы не безнадежны. В наших сердцах все еще живут Маленький принц и его роза, наши глаза отражают Млечный Путь, мы способны услышать, как смеются звезды... Или как плачет Луна... Надо только поверить. Не пытаться осаждать сказку – она не Троя. Не пытаться оседлать ее – она не Сивка-Бурка. Как говорил герой гениального мультфильма «Ежик в тумане»: «Пусть река сама несет меня...» Позволить сказке увлечь себя, открыться ей – единственный способ поговорить с ней, насладиться откровенностью, ожить, задышать... Моя попытка сделать это – перед вами.

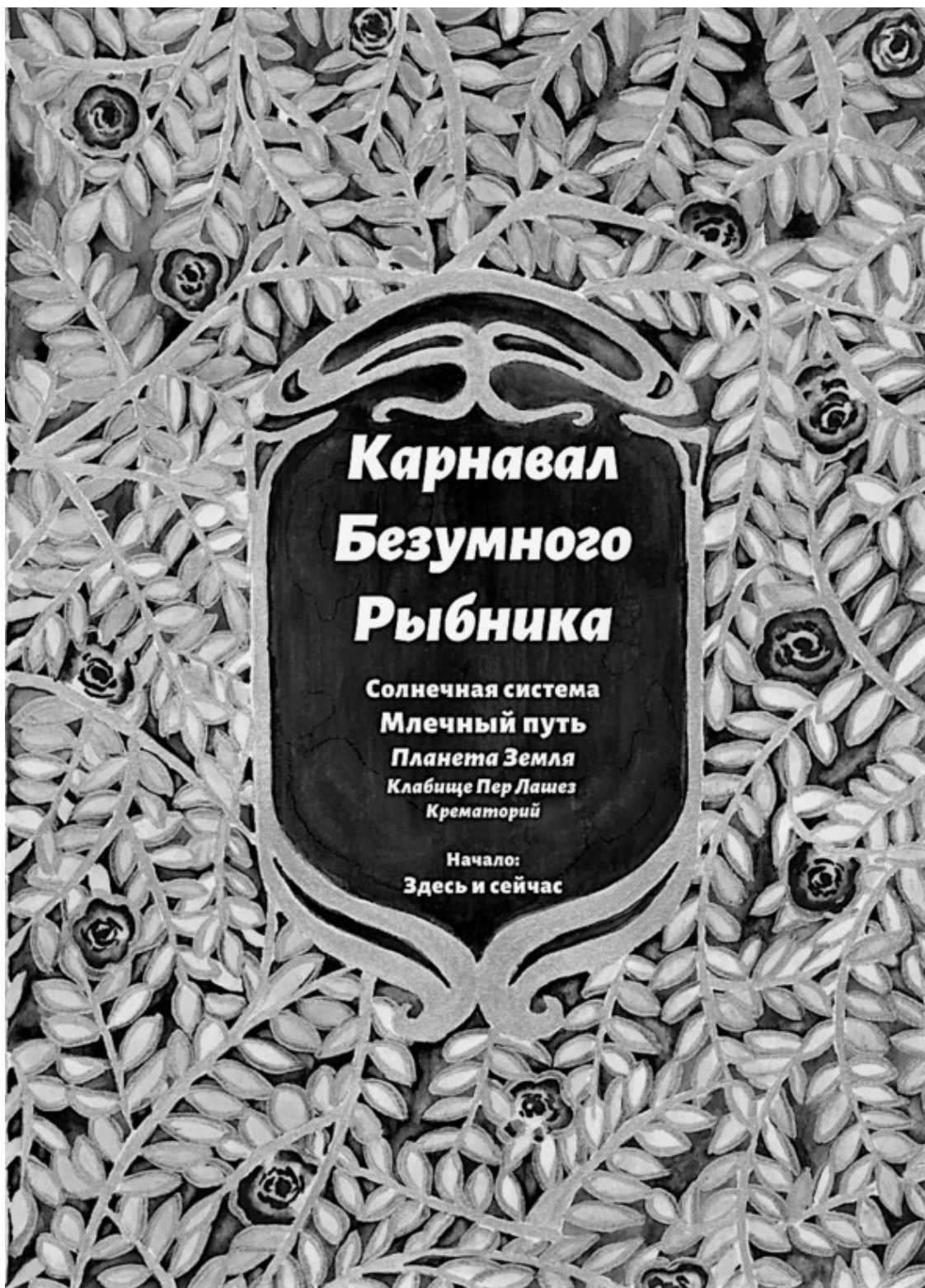
Название – «Дьявол с кладбища Пер-Лашез» – поначалу меня озадачило. Я ожидала чего-то мрачного, неоготического, чуть ли не романа про вампиров, привидения и кровавые ритуалы. Хотя в последнем я ошиблась не так уж сильно – в одной из глав кровь изливается бурным потоком, драгоценная кровь жестокого и мрачного существа... Страшно? Не будем опережать события. Подзаголовок расставляет все по местам: «Слово о вечной любви». Ольга де Бенуа из тех авторов, что слов на ветер не бросают. Если сказано, что книга о любви, значит, так оно и есть. Если сказано, что жанр этой книги – не повесть, не сказка, не притча, не рассказ и даже не феерия, как у Александра Грина, – извольте верить. И не обманетесь. Слово – это жанр древнерусской литературы, известный читателю более всего по такому шедевру, как «Слово о полку Игореве». Для древнерусской литературы характерно использование приема «плетение словес». Название говорит само за себя – это украшенная речь, в которой эпитеты и синтаксические конструкции нанизываются, причудливо сплетаются, соперничая с кельтскими узорами или арабской вязью. Дивное словесное кружево – не цель, а средство. Так достигается высокий эмоциональный накал и глубокий психологизм повествования. Форма отвечает содержанию – как еще докричаться до оглохшего, равнодушного мира, донести свет любви, как не прожигая глаголом сердца? В книге Ольги де Бенуа пламя – не адское, а божественное – зажглось в сердце Маленького Дьявола, и дальше, с этого момента, что бы ни происходило, какая бы вакханалия ни разворачивалась на кладбище Пер-Лашез, – я верила, что все будет хорошо. Следила за приключениями героя, восхищалась описаниями карнавала Безумного Рыбника, сопереживала и содрогалась – но огонь уже пылал.

Книга захватывает, читать ее – всё равно что смотреть на мерцающую свечу или бегущую воду. При этом у повествования мощная структура, подобная стволу дерева. Стволу того самого Тысячелетнего Дуба, встреча с которым предопределена. В его кроне обитают вороны, и, конечно, совершенно не потому, что это птицы, издающие зловещее карканье в склепах готической литературы, а потому что... Впрочем, после того, как мы понимаем, что дуб – на самом деле ясень, долго искать истоки символики не приходится. Иггдрасиль, по стволу которого можно добраться до самой Луны... Череп и кровь, слезы и смех Луны, философский камень, волшебное зеркало... Мы встретим в этом тексте множество вещей-знаков, за тысячулетнюю историю человечества отягощённых разными смыслами. Правда, обыграны они поновому и прочно увязаны в единую сеть (сеть Безумного Рыбника?..). Символизм происходящего подчеркивают эпитафии. Особое удовольствие при чтении «Дьявола с кладбища Пер-Лашез» состоит в том, чтобы прочитывать эпитафию, затем главу, затем возвращаться к эпи-

графу, чтобы осмыслить его еще раз, найти все параллели, соединить все ниточки... Тех, кто любит литературную игру, отсылки, намеки и аллюзии, ждет подлинное приключение.

Итак, слезы и кровь, вода и огонь, мировое древо, осеняющее ветвями старинное кладбище, сумерки, а затем звезды – достаточно для магии, или чего-то не хватает? Время. Конечно, это ночь перед Рождеством. Единство и противоположность смерти и жизни. В такую ночь стихии бурлят, а нечисть слетается на Великий Карнавал *«размять тысячелетние кости, обсудить городские сплетни, пожаловаться на цены на топливо и, чем черт не шутит, а черт всегда шутит, полакомиться чьей-то неосторожно забредшей душой»*. Но Маленький Дьявол – отважный влюбленный, и он несет свое чувство сквозь хаос и мрак, как Данко несет пылающее сердце, вырванное из собственной груди. Случайная (случайная ли?) встреча с неисправимым авантюристом и вдохновенным балагуром Джимми Моррисоном – и вот уже у главного героя есть цель. Надежда – опаснейшее искушение для заблудшего, проклятого, оступившегося существа, неизвестно за что заточённого в теле кладбищенской статуи. Но если в его душе живет небесная дева, а глаза помнят падающие звезды? *«Когда он смотрел на прекрасную деву, он видел тот звездопад. Ему чудилось, что этот звездопад – словно путеводная нить в череде его темных жизней. Может, он искупил свой грех и готовился к перерождению. Или к окончательному исчезновению. Он и сам не знал»*. Сколько раз в эту безумную ночь Маленький Дьявол мог впасть в уныние и отчаяние, отказаться от надежды, просто пропасть? Но любовь – маяк, а мечта – корабль. И мы вместе с героем по-рыцарски устремляемся к его недостижимой возлюбленной...

Быстрота разворачивающегося действия и единство места создают впечатление от повествования как от чего-то цельного, плотного, слитного. Театральная постановка? Или кино? Несмотря на красоты стиля, описания и лирические отступления, в книге много событий. Или мистерия, средневековый карнавал?

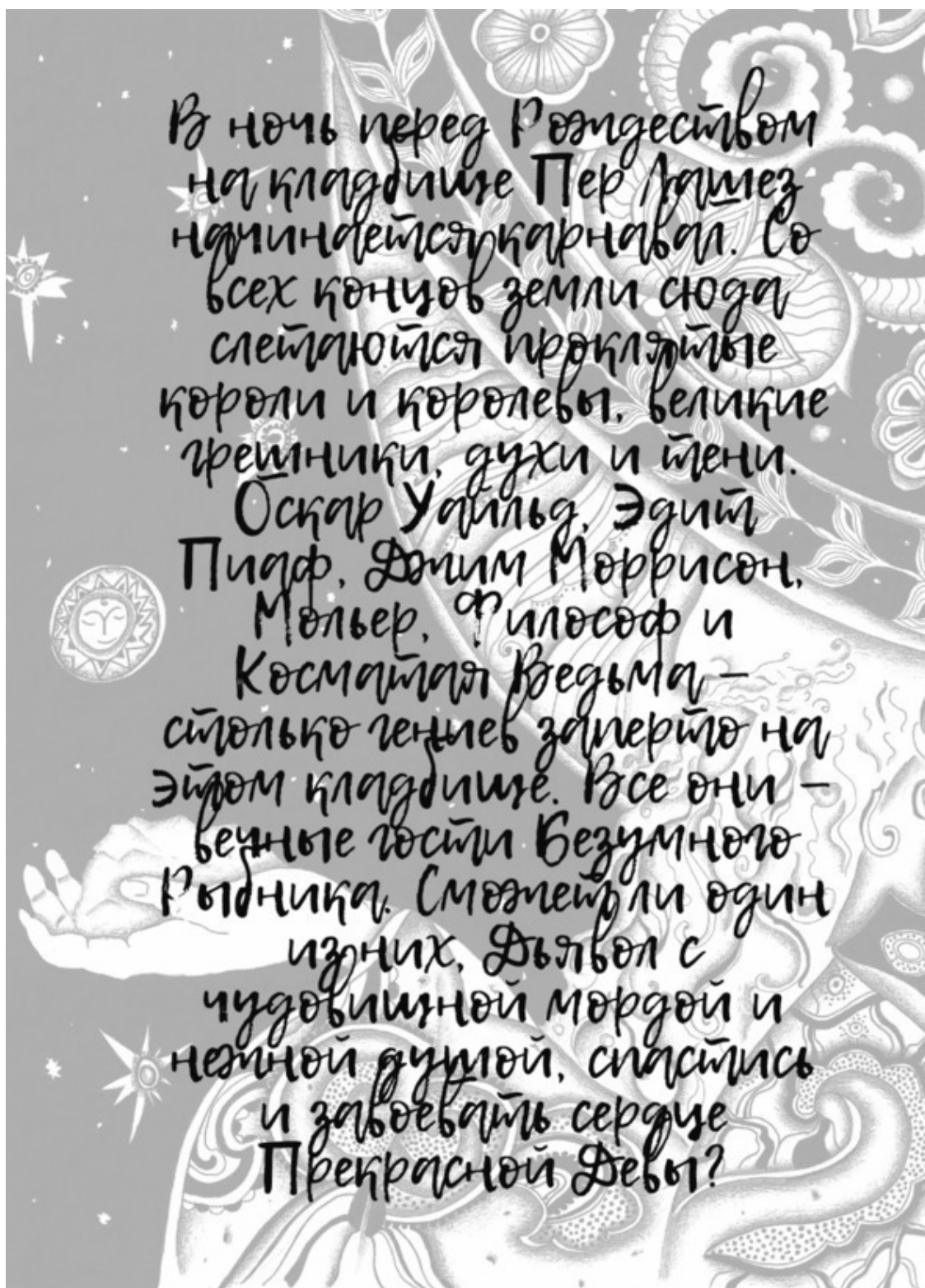
Пожалуй, это ближе к истине: когда по улицам городов проходили шествия, а на площадях разворачивались представления, участие в действе принимали все горожане. Так и мы оказываемся внутри книги, словно на сцене, вовлеченные спешкой Маленького Дьявола в колдовской вихрь. Какой контраст! Буйство святотатственного праздника и сакральность вечных тем! Впрочем, наши души с тех самых Темных веков, со времен легенд и сказок, а может быть, со времен древнегреческих трагедий, привыкли к остроте этих граней, просто сейчас забыли о своей огненной природе, остыв в суете повседневности. «Слово о вечной любви»...

Вы шутите? Какая любовь? Вот денег бы... Да еще и вечная. Бред! Но вы остановитесь... Прислушайтесь... Присмотритесь... Любовь – горнило, где руда нашего сердца превращается в благородный металл. Конечно, это боль. Конечно, это испытание. Но не бойтесь! Добрые люди! Ручаюсь, вы не сможете оторвать глаз от нашего представления, как Маленький Дьявол от того самого звездопада.

Персонажи пластичны и объемны, кажется, к ним во многие моменты рассказа по-настоящему можно прикоснуться. Какие влюбленные пары! Кстати, в тексте удивительно много гармоничных, счастливых пар. Идущих на жертвы друг ради друга. Слушающих друг друга, чутких. Понимающих юмор друг друга, что чрезвычайно важно. Не буду раскрывать тебе, любознательный читатель, все секреты, но поверь мне – количество искренне любящих и любимых меня просто поразило, хотя – что важно – не показалось неестественным. Вновь противоречие – дело происходит на кладбище, среди нечисти, теней, давно похороненных великих вроде Сары Бернар, Мольера, Айседоры Дункан или того же Джима Моррисона – и столько любви и готовности помочь... Кажущееся противоречие. Нормальный мир, не искаженный злобой, завистью, неблагодарностью, наверное, и должен быть таким. Маленький Дьявол не одинок. Готова поклясться, даже Безумный Рыбник, хозяин Великого Карнавала, устал от фальшивок и суррогатов, истосковался по любви... Кстати, это один из самых сильно выписанных персонажей. Он прекрасен, как что-то неимоверно чудовищное, и притягательно отвратителен в своем злом, темном, ненасытном, угрюмом, тоскливом падении и зле. И здесь я умолкаю, давая слово автору: *«Маленький Дьявол с ужасом смотрел на это оплывшее, будто вырезанное из обсидиановой глыбы лицо, все еще хранившее в себе остатки былой красоты, не успевшей исчезнуть за тысячелетия страстей и излишеств. На кудрявых, припорошенных серебром волосах Безумного Рыбника покоилась корона, в которую были вплетены звериные морды с жутким оскалом, тина и ракушки, обломки кораблей, самолетов и паруса яхт. Руки Безумного Рыбника, усыпанные перстнями, с огромными рваными когтями, лежали, как хлысты, на подлокотниках трона с нанизанными на них черепами земных правителей. Ноги Безумного Рыбника в огромных ботфортах, в каждый из которых мог поместиться склеп с кладбища Пер-Лашез, покоились на ворчащем уродливом чудовище из Сены»*. Право, хочется его рисовать! Мне кажется, иллюстраторам будет интересно работать с «Дьяволом с кладбища Пер-Лашез», и мне хотелось бы быть в их числе. Образные находки, вроде «костлявой „Хонды“» в качестве транспортного средства, или скелетов знаменитых покойников, азартно режущихся на могиле в карты Таро, так и просятся, чтобы их изобразили. Витраж, графика, коллаж, акварель? Неважно, лишь бы передать стремительность движений оживших статуй, хрупкость полупрозрачных теней кладбищенских деревьев, холодный трепет лунного света и святость вечной любви...

Если бы сама Ольга де Бенуа не определила свою книгу как «слово», я бы осмелилась утверждать, что это притча. Все взвешено на весах, и каждому отмерено его мерой. И есть горная высь, в которую устремлены все... нет, почти все... многие... персонажи произведения. И есть Сам, чей сияющий день наступает после ночи бесчинств и разгула нечистой силы. Торжество жизни и преображения после горькой разлуки, тяжелых испытаний и самой смерти – чем не притча? Здесь, пожалуй, можно усмотреть больше параллелей со сказкой «Рыбак и его душа», эпитафия из которой вы тоже найдете в тексте, чем с «Маленьким принцем». Факт в том, что «Дьявол с кладбища Пер-Лашез», – универсальная и многогранная история, в ней многие найдут или захотят найти себя... Но будьте бдительны! Эта сказка, или притча, или слово подобно зеркалу Косматой Ведьмы покажет вам вас настоящих. Горе носящим маски, ибо там, где любовь, нет места лжи. Пускайтесь в путь, если отвага кипит в вашем сердце, а слова «страсть», «нежность» и «милосердие» для вас не пустой звук, – вперёд, на карнавал Безумного Рыбника! Не бойтесь ничего, и пусть рассвет застанет вас рядом с любимыми.

Елена Рид, поэт и литературный критик

Дьявол с кладбища Пер-Лашез

Слово о вечной любви

Посвящаю моему мужу Арно де Бенуа

*Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.*

Елизавета Дитерихс

На кладбище Пер-Лашез смеркалось. Вот уже который век. Тысячу лет. Миллиарды столетий. На кладбище Пер-Лашез смеркалось, как и в ту самую рождественскую ночь в глубине времен. Темнота окутывала землю. Баюкала землю. Клубилась в тумане, в межзвездии, среди метеоритных бурь. Таскалась как облезлая тень между надгробиями цвета мха и тлена. Волочила сыроватый хвост, ежилась под ледяным декабрьским дождем. На кладбище Пер-Лашез смеркалось.

Из дневника Безумного Рыбника

0 – Начало начал

*«Идем: вам путь через тысячи преград».
Так он пошел, так ввел меня в мгновенье
В круг первый, коим опоясан ад.*

Данте Алигьери «Божественная комедия»

Вхожу сюда через каменные ворота. Как всегда, одна. За моей спиной замолкает тревожно город. Над моей головой устало зевает свет.

Я бреду по пахнувшим сыростью аллеям между надгробиями и отгремевшими жизнями к покосившемуся склепу. Открываю дверь своим ключом и опускаюсь на расколотую мраморную плиту у ног белоснежной статуи с прекрасным, как вечность, лицом. Полустертая надпись гласит: *«Здесь покоится та, что была любима больше жизни»*. Но буквы затерялись в тени времен, и теперь никто, даже Тысячелетний Дуб, не вспомнит ее имя.

Если закрыть глаза и вдохнуть печальный неподвижный воздух склепа, то можно почувствовать, что это место удивительной силы, что здесь пахнет не тленом, но подгоревшими звездами с Млечного Пути, марсианским дождем и рождественскими туманностями Андромеды.

Я люблю светлой фигурой, закутанной в кружевное покрывало. Даже не верится, что это камень. Кажется, вот-вот оживет она. Статуя молчит. Молчу и я.

Я смотрю на безмолвную статую. И вдруг вижу эту историю. И ныряю в нее без оглядки, надеясь, что она сама вынесет меня на берег. Я вижу маленького дьявола с кладбища Пер-Лашез. Дьявола, который любил. Дьявола, который любил так, что обрел смысл жизни. И больше не вижу ничего.

Хотя нет. Подождите! Я всматриваюсь в это странное печальное существо, которое явилось мне из темных глубин моего сознания. Этот дьявол предстает передо мной в мельчайших деталях, во весь рост, будто вырвавшись из мучительного плена небытия, решив стать самой жизнью. Он безграничный и пугающий, как отдаленные уголки Вселенной. Он изломан, как линии на моей руке. Он дик и непонятен, как африканские маски в музее Бранли. Я смотрю ему в глаза и вдруг понимаю, что знаю о нем все. Все, что с ним было и будет. Его история пылает, мечется у меня в груди и просит быть рассказанной. Да будет так.

Это история о Дьяволе с кладбища Пер-Лашез.

I – Свечение

*What's in a name? that which we call a rose
By any other name would smell as sweet*

William Shakespeare – Romeo and Juliet. Act II. Scene II¹

Старый Ворон, танцующий в морозном небе на кладбище Пер-Лашез, не ведал ни надежды, ни желаний, ни тоски. Этот сумрачный мир принадлежал ему, и он принадлежал этому миру. Сколько веков летал он здесь в бесконечной ночи. Сколько веков кружил он в замершем на краю пропасти пространстве, среди узловатых вязов, дубов и кленов. Столько веков, что забыл свое имя, как и многие существа, запертые здесь.

Но в эту ночь что-то удивительное привлекло его взор. Слабое свечение, исходящее от надгробий. Завороженный этим светом, зачарованный фиолетовым пламенем, пылающим будто яйцо Феникса в призрачном полумраке, Ворон спикировал вниз, хлопая по воздуху тяжелыми крыльями. Светилась статуя – древняя, покрытая мхом статуя падшего ангела тихо светилась в темноте ночи. Статуя огромного мрачного существа, сгорбившегося под тяжестью невыносимой боли, закутанного словно в плащ в спутанную рыбную сеть. Статуя темного духа ночи, каких много в этих местах. Вот уже столько веков дремал этот падший ангел под покосившимся вязом у старых могил. Никто не знал, откуда и как он здесь появился. Да и не было никому до этого дела. Но вот что поразило старого Ворона: мерцание глубоко в груди статуи, в области сердца. А может, это луна бросала на косматую глыбу свои серебряные блики?

Столь многие, святые и грешники, смертные и духи, искали этот свет и нигде не могли его найти. Они молились и умерщвляли плоть, ходили в крестовые походы, давали обеты, читали заклинания и путешествовали на изнанку миров. И вот в эту колдовскую ночь, когда весь мир исчезал на границе рассвета, медленно и верно проваливался в темноту, ожидая очередного перерождения, Ворон увидел чудо, которое готово было свершиться, воплотиться там, где меньше всего можно было его ожидать. Жестокое, пропащее существо ночи хранило в своем сердце этот огонек. Ворон, который жил так долго, что видел рождение этого мира и его закат, и так сотни и тысячи раз, был очарован, был согрет этим свечением.

И в тот самый миг, когда он нетерпеливо клюнул статую в грудь, пытаясь добраться до сияющей, будто звезда, точки в глубине ее, именно в тот самый миг, когда сердца статуи коснулся острый жадный клюв, дух ночи встрепенулся и, шумно вдохнув ледяной пьянящий воздух, проснулся от своего тяжелого сна. Некоторое время он мрачно рассматривал потревожившую его птицу. Его глаза, бездонные и беспощадные, молча смотрели на старого Ворона, обжигая его, будто ледящее прикосновение смерти. Испуганный Ворон улетел прочь, жалобно каркая в ночи.

Пробужденное существо, словно зачарованное, смотрело ему вслед. В том месте, где его пронзил клюв Ворона, по-прежнему саднило. Оно медленно коснулось когтями своей груди, прохладной, как лунный камень. Чувствовалось: *что-то вот-вот случится*. Эта ночь будет не такой, как все.

¹ Что значит имя? Роза пахнет розой, Хоть розой назови ее, хоть нет. Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта» (перевод Бориса Пастернака)

II – Косматая Ведьма

...И почувствовал, как его пульс бьется о дерево, как болят волосы, зной пятнает верхушки ушей, а кости веют изнутри стужей, и понял, что всю жизнь носил с собой страшный холод, как зеркала носят повсюду свою тишину.

Милорад Павич «Кони Святого Марка»

На кладбище Пер-Лашез смеркалось. Все еще спали. Не спала только Косматая Ведьма. Ее разбудил лунный свет, вытащил из каменного плена. И вот она сидела одна, зевая от тоски, после стольких лет ожидания того, кто придет и освободит ее навсегда.

Ведьма сидела одна. На могиле Джима Моррисона, беспутного музыканта, который пытался открывать двери в вечность и нечаянно открыл Дверь на Тот Свет. Ведьма сидела и печалилась о том, что нет ничего нового на свете. Печалилась о том, что все самое мерзкое, страшное, жестокое, от чего холодеет грудь и леденеют ноги, все то, что убивает, мучает, пытает, не делая сильнее, все это уже *было*. И все прекрасное, и светлое, от чего оживают глаза, появляются улыбки в их уголках, и смеются музы, тоже уже было. Нет ничего нового ни под солнцем, ни под звездами, ни под луной.

Ведьма печалилась, потому что лунный свет пробудил ее к жизни, но не отогрел. И этот ледяной осколок, который заменял ей сердце, был такой ребристый, что от него саднило в груди. И чтобы отвлечься от этой старой как мир боли, косматая Ведьма кляла на чем свет стоит своих врагов и друзей.

– Эти люди! – ворчала Косматая Ведьма. – У них есть все, о чем можно мечтать, а они замахиваются на дела богов и чертей. Копают колодцы, рвутся к звездам, жаждут править жизнью и смертью. А сами не видят дальше собственного носа и завтрашнего дня.

Ведьма потянулась, дернулась, пытаясь освободиться от все еще сковывающих ее пут. Подол ее выдавшей формы юбки цвета раскаленного метеорита задымился от усилий. По телу пошли трещины. Проклятая много столетий назад, лишь в ночь перед Рождеством могла она

размять окаменевшие конечности, проковылять по старому кладбищу, поболтать с товарищами по несчастью, пока тень наступающего дня не вернет ее в плен проклятия.

– Эти черти, – продолжала ворчать она. – Как они безмозглы и отвратительны, как предсказуемы и скучны. Всё пытаются кого-то рассорить и распалить. Но чистую душу с верного пути не сведешь, а дурную с темного не оттащишь.

На прошлое Рождество ей было скучно. И на предпоследнее Рождество ей тоже было скучно. Но сегодня что-то встряхнуло ее от оцепенения. В воздухе чувствовалось приближение чего-то странного. Непонятного.

– Буза и беготня, – ворчала Ведьма. – Еще одна ночь перед Рождеством. Зачем мне все это? Зачем?

На кладбище Пер-Лашез смеркалось. Со всего города сюда собирались тяжелые тучи. Еще полчаса-час, и на Пер-Лашез со всех концов Земли слетится нечисть – на карнавал Безумного Рыбника. Размять тысячелетние кости, обсудить городские сплетни, пожаловаться на цены на топливо и, чем черт не шутит, а черт всегда шутит, полакомиться чьей-то неосторожно забредшей душой.

– Вот будет потеха, – вдруг хохотнула Ведьма.

Ведьма двинулась со своего каменного ложа, словно увязший в болоте путник, рванулась вперед и наконец освободилась, оставляя позади себя дымящиеся сломы лап и хвоста. Кряхтя, похлопала она себя по плечам, посмотрела в свое зеркальце и тяжело вздохнула.

– Вряд ли я сейчас приглянулась бы даже последней нечисти во Вселенной. А ведь когда-то я была такой чертовкой! Сколько голов вскружила. Сколько голов снесла. Не было мне равной на балу у Кровавого Водопляса на обратной стороне Луны. А теперь хороша, ничего не скажешь. Каждый раз, возвращаясь к жизни, я теряю часть хвоста. Уже то, что есть хвост, не слишком красит женщину, но облезлый хвост – что может быть хуже? Еще пару столетий, и ничего кроме хвоста от меня не останется, – пожаловалась она могиле Джимми.

Джимми, этот мерзавец, ничего не ответил. Да и многое ли он знал про хвосты? С тех пор, как этого свободолюбивого молодца притащили сюда и придавили каменной плитой, он был не в духе и все больше помалкивал. Поддерживал разговоры, когда хотел, и молчал, когда хотел. А уж если разговаривал, то нес такую чушь про *au-delà*², хоть уши воском замазывай. Когда-то его звали Джим Моррисон. А теперь просто Джимми. Человек после смерти здорово уменьшается. Даже большой человек. Этот был музыкантом. Одним из лучших. Потому и умер. Сгорел в пламени своих страстей.

– Эх, Джимми, Джимми, – проворчала Косматая Ведьма. – Сколько можно спать? Будь ты со мной, мы бы показали всему миру, как зажигать на Рождество. Мы бы с тобой спалили весь Париж. Начали бы с Нотр Дам и там пошло-поехало.

Джимми молчал.

– Помнишь, как мы кутили вдвоем? Ты и я, та самая красавица с глазами цвета черного агата, кровь которой ты пил на рассвете. Как ты был прекрасен тогда, пока еще не продал душу дьяволу.

Джимми ворочался в могиле, но молчал.

– Молчишь, Джимми? Конечно, теперь я не так хороша. Хотя, что такое красота? Всего лишь умение казаться красивой. Хотел бы ты снова увидеть, как я умею казаться красивой?

Джимми молчал.

– От тебя, как от моего хвоста, никакого толку.

Косматая Ведьма размяла свои кости и еще раз посмотрелась в свое потускневшее зеркальце. И вдруг вместо морщинистого лица, будто поеденного молью, на нее из расходящейся

² Про тот свет (с фр.)

кругами мутноватой глади глянула задорная чернобровая красавица. Именно такой красавицей она была две тысячи лет назад, когда впервые увидела Самого и не признала его.

III – Маленький Дьявол

– На твоей планете, – сказал Маленький принц, – люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

– Не находят, – согласился я.

– А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе...

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький Принц»

Каждый год под Рождество Маленький Дьявол с кладбища Пер-Лашез выбирался, зевая, из своего каменного ложа. Он, как и вся городская нечисть, весь год копил силы и пробуждался только в эту звенящую от напряжения ночь, в последние часы перед полуночью, чтобы успеть снова почувствовать себя живым до того, как вечный мрак уступит место вечному дню.

Маленький Дьявол просыпался с радостью. Открывал глаза и, ослепленный лунным светом, шевелил усами и ушами. Вставал со своего пьедестала на четвереньки и потягивался, разминая окоченевшие лапы. Потом весело завязывал хвост бантиком и отправлялся к своей возлюбленной, которая ждала его возле старой могилы с покосившимся надгробием.

Каждую ночь перед Рождеством с тех пор, как оказался запертым проклятием на этом кладбище, Маленький Дьявол ходил в гости к своей Прекрасной Деве. Ему так нравилось любоваться на нее! На ее глаза, ясные и глубокие, как слезы лазурита. Губы, изящные, как взмах крыла. Руки Девы были тонкими и невинными, как же хотелось сжимать их в своих лапах, гладить и целовать до самого рассвета! Дева прижимала к груди книгу, но что это за книга, Маленький Дьявол так и не понял.

Прекрасная Дева казалась ему гордой, молчаливой и печальной. Она не была похожа ни на одну деву, которую Маленький Дьявол видел на этом кладбище, не похожа ни на одну деву, которую Маленький Дьявол видел в своей жизни. Это была совершенно необыкновенная статуя. От нее будто шло сияние. На кладбище поговаривали, что ее создал безутешный скульптор для могилы его рано ушедшей горячо любимой жены. Об этом рассказывала и надпись на надгробии. Если бы Маленький Дьявол умел читать по латыни, он бы обязательно прочел об этом.

Но Маленький Дьявол не умел читать по латыни. Он умел только *смотреть и видеть*. И как он умел видеть! Каждый раз, как Маленький Дьявол видел прекрасную статую, что-то сжималось у него в груди от сладкой, ранее не ведомой ему муки. Каждый раз, как он смотрел на прекрасную статую, его темную, неприкаемую жизнь озаряло бушующим светом. Эта статуя была как звездопад, который он наблюдал однажды ночью, когда был маленьким и жил на другом конце Земли в ином обличье. Он был влюблен в эту статую вот уже столько веков.

IV – Звездопад

Плача ночью по солнцу, не замечаешь звезд.

Рабиндранат Тагор

В ту ночь, когда случился звездопад, Маленький Дьявол был еще человеком. Это было очень давно, так давно, что он и сам не верил, что все это явь, а не сон. Маленький Дьявол был очень старый. Он жил здесь долго. Сколько – он и сам не знал. И почему, за какие провинности заперли его в этом мрачном теле, не помнил тоже. Вся его постылая жизнь казалась ему одним большим и беспросветным Млечным Путем. Прошлое маячило за его спиной, стояло бесформенной грудой, как огромный туманный лес, над которым сияло бескрайнее небо падающих звезд из его детства.

Маленький Дьявол помнил тот звездопад. Как сидел он на опушке леса, огромного, могущественного, хмельного леса, сидел на берегу реки на коленях своей матери и смотрел, как звезды ослепительными вспышками взрываются в фиолетовом небе и падают, словно огромные сияющие снежинки в воду. И прикасаясь к тихой глади реки, эти нежные вспышки превращались в ледяные кувшинки, от которых во все стороны, во все четыре части света, искрились лучи света.

Это было так ярко, так пленительно, что воспоминание об этом сиянии и блеске, тень этого блеска до сих пор сохранились где-то в глубине его черных глазищ. Казалось, в этой неподвижной немигающей темноте – темноте его глаз – шел дождь из звезд. Когда он смотрел на Прекрасную Деву, он видел тот звездопад. Ему чудилось, что этот звездопад – словно путеводная нить в череде его темных жизней. Может, он искупил свой грех и готовился к перерождению. Или к окончательному исчезновению. Он и сам не знал.

V – Великий Карнавал

Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения.

М. М. Бахтин «Эстетика словесного творчества»

Маленький Дьявол весело бежал по лунной дорожке, перепрыгивая с могилы на могилу, и одобрительно смотрел на творящийся вокруг кавардак. В ночь перед Рождеством кладбище стояло вверх дном. Часы на башне отсчитывали последние мгновения уходящего года. Это было время Великого Карнавала.

Спешно открывались двери в склепы и темницы души, скрежетали могильные плиты, сдвигающиеся в сторону. Из всех щелей в эту ночь выбирались мрачные жестокие существа, которые весь год дремали в ожидании своего звездного часа. Пробуждающаяся нечисть спешила нагуляться, натешиться до рассвета. Темные души искали покоя и не находили его. А потому им требовались развлечения. Много развлечений, чтобы унять жажду, которую не в силах было утолить даже лучшее зелье Косматой Ведьмы. А уж она умела готовить зелья.

Все сумрачные существа пробуждались в эту ночь, чтобы покурлесить, навести свои порядки. Дьяволы, черты, духи *четырёх стихий* и *четырёх ненастий*, лохматые домовые, патлатые водяные из Сены, растрепанные водяные из Луары, кудлатые лешие из Венсенского леса, ведьмы и ведьмаки из Булонского леса, старые мельники, проклятые короли и королевы, отравители и убийцы, палачи и судьи – все пробуждались в эту ночь и стекались на кладбище Пер-Лашез. Темные существа без роду без племени суетились тут и там, пакостили, все переворачивали вверх дном, куролесили, заводили полезные знакомства, наслаждались полужизнью в ожидании рассвета, который заставит их снова спрятаться по своим щелям до лучших времен.

Все эти давно отжившие тени видели когда-то, как строился, падал, вставал и кровоточил Париж. Они строили этот город. Они же и разрушали его. Они помнили, как Шарлемань торжественно вошел в него по этим улицам. Они помнили предательства и войны. Они отправляли в темницы невинных и возвеличивали грешников. Они слышали, как льется по улицам, словно раскаленная лава, алая кровь казненных на гильотине людей. Все они были тут, приглашенные на карнавал Великого Рыбника.

VI – Магическая формула

Давайте считать, что все, что я делаю – чисто из праздного любопытства.

Джим Моррисон

Круглая луна сияла в черном небе, освещая причудливые склепы и надгробия Пер-Лашез. Пробужденный ее щедрым светом, призрак Джима Моррисона, зевая, выбрался из своей могилы. Это был красивый скелет, длинный, немного нескладный, с изящной грудной клеткой, в которой, если бы захотел, мог бы жить соловей. Вот он сладко потянулся, обрастая плотью, и вместо скелета появился лохматый молодец с голым торсом в длинных кожаных штанах.

Музыкант посмотрел на небо. Между тучами тут и там двигались изломанные силуэты нечисти, летящей на метлах, в ступах и в колесницах, запряженных чудовищами и звездными тварями.

– Жизнь – сон, кошмарный сон, – воскликнул Джим, обращаясь к Луне. – А смерть – это пробуждение. Но вы не хотите просыпаться. Вы любите свои цепи.

Луна ничего не ответила Джиму. И он растянулся на своей могиле и, меланхолично глядя на ночное светило, начал напевать:

Let's swim to the moon
Let's climb through the tide...³

Маленький Дьявол торопился, бежал со всех лап к могиле, где Дева дремала над своей книгой. Он был погружен в свои мысли и не замечал ничего, что творилось вокруг. Подними он хоть на мгновение свою морду к небу, содрогнулся бы от ужаса, увидев, как огромный каменный некрополь, замерший на перекрестке Вселенной, вдруг разверзся до чудовищных размеров черной дыры, сотрясаясь от летящих в нее, кишачих в ней и дерущихся темных тварей. Все духи света, чуждые этой ночи, запертые в своих пределах, безмолвно смотрели на огромную безжалостную воронку, этот смерч, грозящий поглотить весь мир, весь свет, всю Вселенную. Но они были бессильны. Их время еще не пришло.

Маленький Дьявол спешил. Он не чувствовал ни времени, ни пространства. Он не слышал и не видел ничего вокруг. Он несся по кладбищу, не разбирая дороги, прямо по надгробиям, чтобы срезать путь. Все мысли его были о Прекрасной Деве, в его омертвевшем, замерзшем за тысячелетия мрака сердце тлел, согревая, тихий огонек. Как будто огненный бутон распускался, покачиваясь, в его косматой груди.

Маленький Дьявол и сам не заметил, как налетел на могилу скучающего Джима Моррисона. Ее обитатель лежал, закинув руки за голову, на разрисованной надписями плите, глядел на Луну и, болтая босой ногой, уныло напевал извилистую и глубокую, как сон, мелодию, в которой можно было захлебнуться. Мелодия лилась по кладбищу, налетала на деревья и темные души, словно освежающие порывы дождя и ветра, ворчала, как рокот грома в смутную ночь, щекотала уши, баюкала сознание, уводила за собой в неведомые края, как дудочка Нотолова.

Маленький Дьявол заслушался. Песня околдовала его.

– Какая волшебная мелодия! – закричал он вне себя от восторга, едва дождавшись последней ноты. – Вот если бы я спел ее моей возлюбленной! Тогда бы она точно взглянула на меня. Она бы полюбила меня всей душой...

³ Песня Moonlight Drive группы The Doors.

– Если я скажу: «Здравствуй, Дьявол», сочтет ли это Сам за богохульство? – задумчиво проговорил Джим.

– Говорят, *Самому* нет до нас никакого дела...

– Думаешь? *Сам* сказал бы, что мир – это сад, и ему нравятся все цветы, – Джим Моррисон сел на своем надгробии, взял с него розу и начал жевать темные лепестки. – Люблю смотреть на цветы. В отличие от людей, они не умеют притворяться. Даже когда вянут.

Джим вздохнул и посмотрел на небо.

– Скоро полночь. Составишь мне компанию на Рождество? Так тошно быть здесь совсем одному, ты бы знал.

– Прости, Джимми, я так спешу!

– Спешешь? К той самой возлюбленной? Она же на тебя даже не смотрит.

– Не смотрит. Но если бы она только посмотрела на меня! Все было бы по-другому, – Маленький Дьявол вдруг загрустил. Но грустил он недолго, потому что ему вдруг пришла в голову одна мысль. Он смотрел на Джима Моррисона с жадным нетерпением.

– Косматая Ведьма говорит, что женщины всегда обожали тебя, – закричал он. – Что они всегда смотрели на тебя, не могли оторвать от тебя глаз...

– Тебя мучает жажда, – Джимми меланхолично смотрел на свою розу. – И меня мучает жажда. Лучше бы вместо цветов мне приносили виски. Хороший шотландский виски.

– Расскажи мне, Джимми, расскажи мне, как сделать так, чтобы она полюбила меня?

Джимми вздохнул и наконец лениво взглянул на Маленького Дьявола, который стоял рядом, от нетерпения кусая себя за хвост и переминаясь с лапы на лапу.

– Женщины – опаснейшие существа, Маленький Дьявол. И им нравятся зеркала. В зеркало их и можно поймать. Я много раз ловил.

– В зеркало?

– Понимаешь, все женщины любят силу, власть, красоту. Но силы, красоты и власти на всех не хватает. Тогда некоторые притворяются, что слабость, уродство и бессилие – это то, что они и искали. Есть те, что любят все тайное, они чертовски любопытны. Иные, наоборот, любят все явное. Тянутся к простоте. Есть те, что любят селиться в душе. И те, что предпочитают жить в сердце. Но всех женщин объединяет одно: *они хотят, чтобы их понимали*. Стань для них зеркалом. Лучшим зеркалом, какое у них было, зеркалом их иллюзий, зеркалом их мечты, зеркалом их прекраснейших отражений, их лучшей версии себя, и они отдадут тебе все, что у них есть, и даже душу.

– Как же мне стать таким зеркалом? – спросил Маленький Дьявол.

– Для начала перестань отражать только себя.

Джим встал на своей могиле, высокий и мрачный, и торжественно протянул руку к Луне, как будто пытался положить ее себе на ладонь. Он начал декламировать, покачивая ногой в такт:

«Я встал, когда редела ночь. Поди ты прочь! Поди ты прочь! О чем ты молишься, поклоны кладя пред капищем Мамоны? Я был немало удивлен. Я думал – это Божий трон...»
Ты любишь Уильяма Блейка? Жаль, что он заперт в другом аду.

Маленький Дьявол взглянул на небо и содрогнулся от того, что увидел там. Над их головами бушевал смерч, повсюду шумели, ликовали и дрались, все небо потемнело от нечисти, несущейся к воронке Пер-Лашез на карнавал к Безумному Рыбнику. Демоны мчались верхом на аспидах, василисках и химерах, реморах, левиафанах, вивернах и ехиднах. Духам ночи не было никакого дела до мира, который вот-вот мог обвалиться внутрь себя, вывернуться наизнанку, более того, их веселил этот размах, эта удаля, эта мощь разбушевавшейся стихии.

И над всем этим кошмарным действием сияла Луна, неуловимо прекрасная, как движение времен, чуждая войне стихий. Но как Джимми ни пытался, он не мог дотянуться до нее своими руками.

– Если бы я мог летать! – Джимми искривил рот с мягкими, как у ребенка, губами. – Если бы я мог летать!

– Как же мне стать зеркалом для Прекрасной Девы? – завопил Маленький Дьявол, пытаясь перекричать вой обрушившейся на них стихии.

– Зеркало в твоём случае не сработает. Оно не работает, когда встречаешь ту самую. Тебе нужна магическая формула.

– Магическая формула?

– Без магии в этом мире никуда. Кому как не Дьяволу это знать? Но важно, чтобы это была именно твоя женщина. Всем чужим достаточно просто хорошего зеркала.

– Я силен. И умею изменять форму предметов, – закричал Дьявол. – Я могу превратить твою розу в прах. Смотри. – Он смял остатки розы в своих маленьких лапах, и она рассыпалась в пыль. – Это и есть магия?

– Магия работает не так, – засмеялся Джим. – Вот когда ты сможешь превратить этот прах обратно в розу, ты, может быть, станешь магом. Поймешь Самого. И познаешь, что такое настоящее одиночество.

Джим Моррисон свистнул. Появилась старенькая «хонда» из желтоватых костей. Призрак взгромоздился в нее.

– Скажи мне, что за магическая формула! – воскликнул Маленький Дьявол. – И я буду вечно благодарен тебе. Я обязательно тебе еще пригожусь. Никогда не знаешь, где тебе может понадобиться Дьявол.

По лицу у Джимми скользнула как тень озорная улыбка.

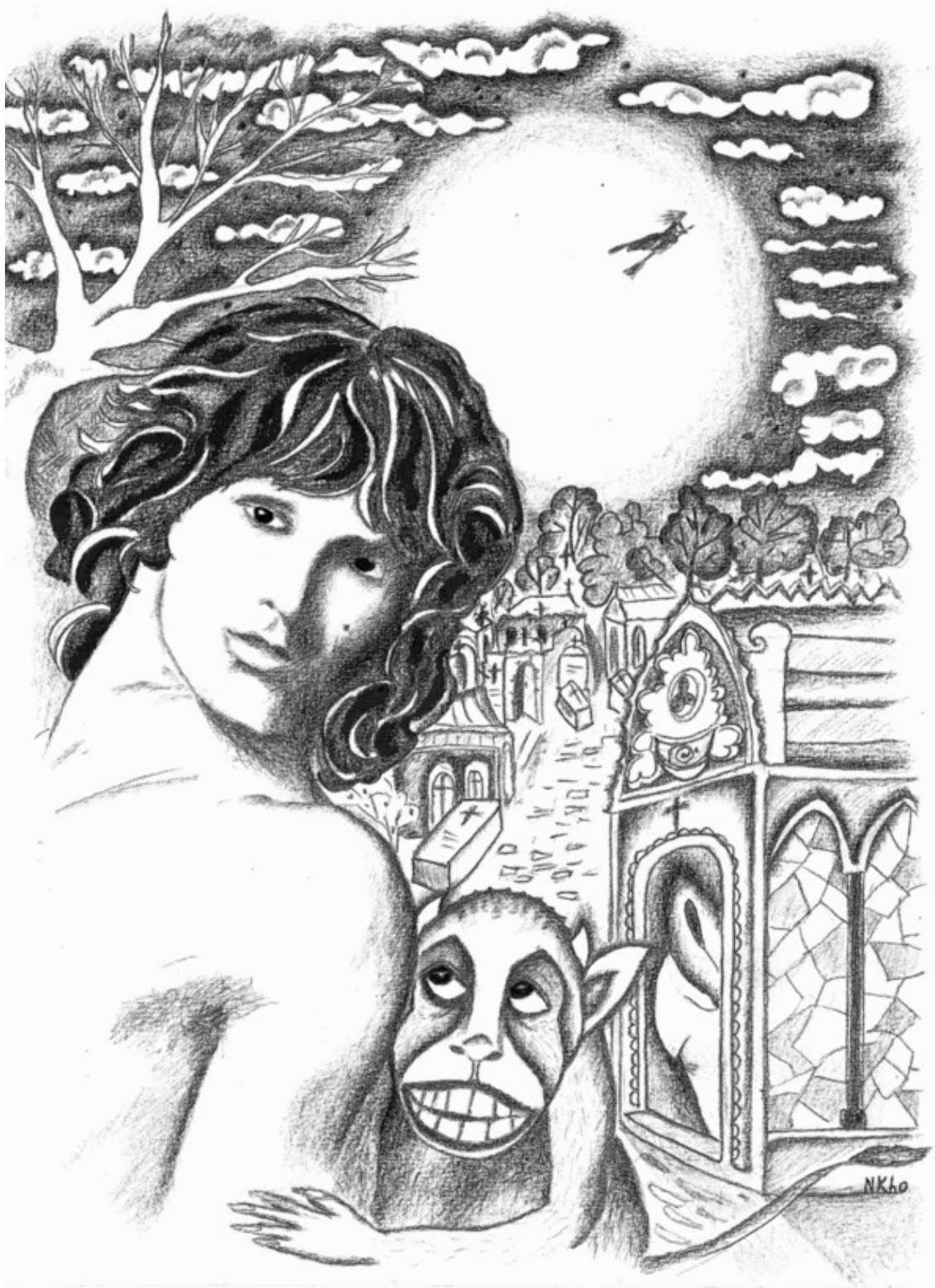
– Есть *любовная формула*, которая действует безотказно во всех случаях, во все времена. Запоминаешь? Приготовь любовное зелье в ночь четырех, нет, пяти ненастий. Вот как в эту. Возьми для начала череп Оскара Уайльда. Среднего размера. Одну штуку. Кинь в него философский камень и осколки зеркальца Косматой Ведьмы, пять штук. Добавь Пламя Безумного Рыбника, да побольше, остуди смехом и слезами Луны. Размешай, – Джимми задумался на секунду, – пером Белой Вороны. Накрой все это тенью времен и позволь настояться до рассвета. И с первыми лучами Солнца дай испить своей возлюбленной. И ее сердце и душа откроются для тебя, время потечет для вас в одном направлении, и вы станете с ней одним целым.

– Это все?

– И это все, – Джим Моррисон нажал на газ.

– Но я ничего не понял!

– Тогда найти того, кто понимает! – Это были последние слова Джимми до того, как его «хонда» скрылась за поворотом.

VII – Весь огромный мир

*Есть два пути избавить вас от страдания – быстрая смерть
и продолжительная любовь.*

Фридрих Ницше

Маленький Дьявол брел по кладбищу, печально плутая между склепами. На него то и дело натыкались рогатые призраки и их не менее рогатые спутницы. Они чертыхались и, громко хохоча, убирались восвояси – искать шатер Владыки Ночи. Вокруг ревел карнавал: Безумный Рыбник и его подданные веселились на славу. Но Маленький Дьявол был не весел. Скоро, совсем скоро увидит он свою возлюбленную. Будет сидеть у ее могилы, мечтательно вглядываясь в тонкое бледное лицо, гладить ее холодные руки, касаться лбом складок подола ее платья. Но она так и не проснется. Не взглянет на него. Теперь, когда он знал, что на свете существует магическая формула, о которой поведал ему Джим Моррисон, этот ловец женских душ в разбитые зеркала, все мысли его были о счастье, которое, казалось бы, так близко. Дьявол не мог больше довольствоваться малым. Ему хотелось большего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.